

Стихотворения

Светлана Кекова

Пространство выгнуто, как парус, —
везде закон его таков,
и составляют верхний ярус
большие лица мотыльков.

Покуда мы еще над бездной
по пленке тоненькой скользим,
своей печалью безвозмездной,
мы Божий мир не исказим.

Жизнь, как вопрос неразрешенный,
мы оставляем на потом,
и дятел, разума лишенный,
и рыба вод с открытым ртом

похожи на ключи, из скважин
торчащие, — и видно им,
как человек обезображен
и сыт неведеньем своим.

* * *

Щука ходит по кругу в горячей и мутной воде.
Муравейник молчит. Сохнет хвоя в его бороде.

Ты ему поклонись, ничего у него не проси,
лучше ягоду волчью, как мелкий орех, раскуси.

Волчий сок ее выпьешь — и сразу увидишь ты, как
засоряет пространство огромный коричневый мак,

как его семена заполняют ложину и дол,
как рыбак у воды рыбе маленький рот проколол.

Рыбе рот проколол, а судьбу проворонил свою.
Муравьи в муравейник пустую несут чешую.

Только там я узнаю, протиснувшись в узкую щель:
то не щука была, то была золотая форель.

Кто там плачет по-птичьи, кто жалобно телом скрипит?
В доме, брошенном нами, вода ключевая кипит.

Кто-то делит пространство на множество мелких частей,
кто-то душу мою отделяет от узких костей,

и несется она, освещая пространство, во мрак,
в те края, где повсюду царят муравейник и мрак.

Баллада об уходящем времени

Только чайник, натертый до тусклого блеска
едкой содой, а также стены арабеска,
или, может, окно, а на нем занавеска,
или шкаф для посуды со всем содержимым
придают бытию неизменность и прочность,
Прорисовано время, как почерк с нажимом,
на различных предметах. Но их краткосрочность
не чета краткосрочности жизни людской,
незаметно текущей в черте городской.

Вот вам хлеба ломоть и пустая солонка,
звук горящего газа, собака болонка,
шкаф посудный с торчащим из дверцы ключом,
снега белое дерево в окнах. Однако,
мы пейзаж с натюрмортом скрестили. Собака,
здесь, пожалуй, совсем ни при чем.

Так начнем же с начала. От мысли исходной
ничего не осталось. И ордер расходный
мы спеша заполняем в тоске безысходной –
нам кассир выдает шелестящее время
и поводит крылами в окошечке кассы.
Дома ждет нас вещей разномастное племя –
вот посуда из глины, стекла и пластмассы,
пара стульев потертых и снег за окном,
незаметно растущий в пространстве ином.

И опять окружает знакомая местность
человека, на жизнь получившего ссуду,
он уже ощущает тоски неуместность,
напевает, в порядок приводит окрестность –
взглядом трогает вещи, стоящие всюду,
с окон пыль вытирает и моет посуду,
снова чувствует пищи соленость и пресность,
пряность времени, жизни своей остроту,
шаткость шкафа посудного, стен пестроту.

А еще замечает, внезапно прозрев,
снег, растущий за окнами в форме деревьев,
жизни прошлой окружность и времени хорду,
видит он, над горелкой ладони согрев,
постаревшей собаки кудрявую морду,
ключ от шкафа посудного в правой руке,
две разбитых тарелки, дыру в потолке,
из которой торчит электрический провод...

Я использую это прозренье как повод
для того, чтоб вернуться на круги своя:
есть, как видно, такие подробности быта,
за которыми время текущее скрыто
и впритык сведены разных истин края.
Вот за этой плитой и за этой горелкой,
за солонкой пустой, за посудой мелкой,
за стеной, за ее потемневшей побелкой —
всюду жизни исчезнувшей след.
И видна за окном, за небесным порогом
часть пространства, которая занята Богом,
а тебе, человеку, да будет итогом
только время, которого нет.

* * *

Мы знаем, что распалась связь времен:
разрушен город, Иоанн пленен,
тебе, отец мой, дом подземный вырыт.
Резвится в небе стая Гончих псов.
В пустынях рек, на берегах лесов
На пляшущую деву смотрит Ирод.

Все то, что Бог напишет на роду,
как роза детства в брошенном саду
благоухает вечностью и раем.
Он нас призвал, благословил и спас,
но мысль одна томит и мучит нас —
что смерти мы себе не выбираем.

Дни вечности, простой песок морей,
грехи рабов и подвиги царей
никто не сможет взвесить и исчислить.
Но в жизни, возведенной на крови,
истоки и последствия любви
научат сердце не страдать, а мыслить.

* * *

Созрели коробочки мака, зарос лопухами овраг,
а слово выходит из мрака и снова уходит во мрак.
Его не поймешь, не скроешь, не спрячешь навеки — увы —
среди разноцветных сокровищ растущей на воле травы.
Его драгоценного смысла не может коснуться пророк.
Висят над водой коромысла как повод читать между строк,
смеяться, угадывать мысли и ноги закутывать в плед...
А ты, прорицатель, исчисли количество прожитых лет.
В попытке понять совершенство ты к тайне вселенной приник,
ты тоже получишь блаженство в один ослепительный миг.
Но только не сдерживай слезы и в мире ничем не владей,
покуда летают стрекозы, подобные душам людей,
вращается круг Зодиака, гремит погремушкой мак,
и слово выходит из мрака и снова уходит во мрак.